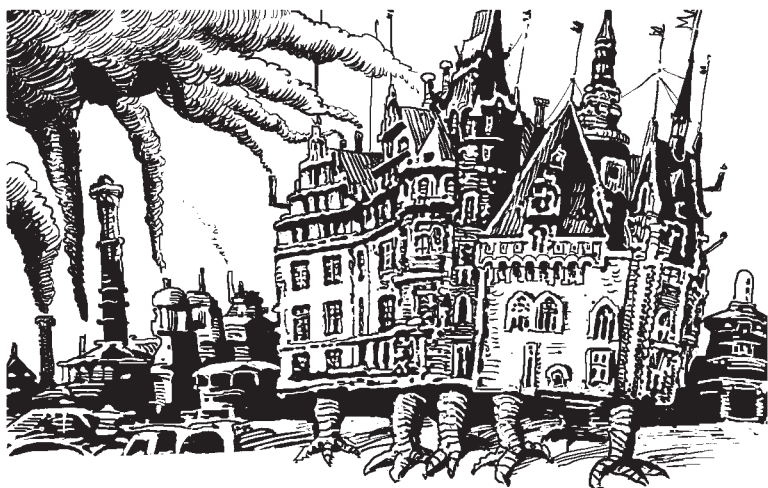

Юлия Федотова

**ТЬМА. ИСПЫТАНИЕ ЗЛОМ
ОЧЕНЬ ПОЛЕЗНАЯ КНИГА**

Юлия Федотова

Очень полезная
книга

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф34

Художник
С. А. Григорьев

Федотова Ю. В.

Ф34 Очень полезная книга: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 375 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1066-8

Никому не дано предугадать, как сложится его жизнь. Вот, к примеру, Иван Васильевич Степной, студент-почвовед... разве знал он заранее, что однажды по собственной, прямо скажем, глупости угодит в совершенно чужой мир, да не один, а в компании двух нелюдей, непростые взаимоотношения которых можно определить как «хищник — жертва»? Что придется ему якшаться с ожившими удушенницами и сумасшедшими магами, сражаться с плотоядными чудовищами и благородными героями, избавлять от проклятий королевские замки, свататься к принцессам, разыскивать одни магические артефакты и создавать другие?.. Конечно, ничего подобного он не ожидал! Но случилось.

И с каждым может случиться!

Именно на такой поворот в жизни читателя и рассчитана наша «Очень полезная книга».

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1066-8

© Федотова Ю. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Часть первая, **НАЗИДАТЕЛЬНАЯ**

ГЛАВА 1,

*которая учит читателя: прежде чем вызывать демона,
уточни, сможешь ли ты отправить его обратно*

Более прозаического начала для удивительной, полной загадок, тайн и смертельных опасностей истории трудно представить, но было оно именно таким. Позвонила сестра из Саратова и трагическим голосом объявила:

— У ребенка запор!

— И что?! — От такой новости Иван даже как-то опешил. Упомянутый ребенок, двух лет от роду, приходился ему племянником, любимым настолько, насколько вообще способен двадцатилетний парень любить лысого и бессмысленного малыша. Дядюшка всей душой желал чаду добра, однако совершенно не представлял, какую конкретную пользу может принести в сложившейся ситуации. Даже если бы не разделяли их сотни километров, он все равно не имел бы ни малейшего представления о детском здоровье и мерах по улучшению оного.

— Не строй из себя идиота, — раздраженно велела сестра. — В Интернете посмотри!

— А сама что, неграмотная? — огрызнулся Иван. — Мама с папой читать не научили?

— А сама я заплатить забыла, отключили! — последовал предсказуемый ответ. Так уж была устроена от природы Анна Васильевна Степная, что забывала все, всегда и везде: батоны в парикмахерских, мобильники в гостях, имена преподавателей, дни рождения родных и знакомых, собственный возраст и дни прививок ребенка. Впервые получая паспорт, она забыла, как пишется буква «с», и долго стояла с задумчивым видом у окошка, пока паспортистка не прикрикнула... Бабушка Лиза уверяла, что однажды непременно

настанет день, когда Анька забудет где-нибудь собственную голову и явится домой без этой жизненно важной части тела. В раннем детстве Иван с нетерпением ждал этого события — интересно было посмотреть, как же старшая сестрица станет обходиться без головы? Не дождался, к большому счастью...

— Ну ладно, — великодушно согласился он. — Шас посмотрю и перезвоню... нет, скину. Сама перезвонишь. А что искать-то? «Запор»?

— Как вызвать дефекацию у ребенка! — выдала сестра без запинки и поспешно отключилась — конец фразы потонул в богатырском реве Ивана-младшего.

«Как вызвать де...» — начал набирать Иван.

«Как вызвать демона», — вылетела ссылка. И главное, ведь он на нее тогда даже внимания не обратил, поглощенный более насущной проблемой. Но, видно, засело что-то темное в глубине подсознания. Потому что ночью снилось странное. Громоздились отвесные скалы, увенчанные не то средневековыми замками, не то вороньими гнездами. Разверзались огненные пропасти, и черные крылатые тени с воем метались над ними. Кипело, пузырилось кроваво-красное зелье в огромных перегонных кубах, и что-то злое зарождалось внутри, тянуло белые пальцы к Иванову горлу...

Проснулся он от толчка коленом в бок.

— Эй! Ты что орешь? — В голосе Лехи, соседа по комнате, звучало праведное негодование. — Три часа ночи! Всю общагу перебудишь! Перебрал, что ли, вчера?

— Нет... Я того... приснилось что-то... — пробормотал Иван, утирая холодный пот со лба. — Дрянь какая-то... Задушить меня пытались!

Но Леха вникать в подробности его ночных переживаний не желал, а желал только спать. Буркнул что-то неразборчиво и нырнул под одеяло с головой. Иван последовал его примеру и преспокойно проспал до утра, благо кошмары больше не беспокоили.

А утром была суббота, и Леха свалил домой в Черноголовку, оставив комнату в полном распоряжении Ивана (поскольку два других соседа, Амангельды и Трофимыч, друж-

но вылетели после первой сессии, а новых пока как-то не образовалось). Вот тогда ОНО и случилось. Как, почему — трудно судить. Единственное, что собирался сделать Иван, включая комп, — это придать индивидуальность скачанному накануне реферату по истории, каковой надлежало сдать уж три дня как. Но вместо этого пальцы сами, без участия разума, набрали в окошке поисковика: «КАК ВЫЗВАТЬ ДЕМОНА?»

Оказалось — ничего сложного. Рекомендаций было столько, что невольно закрадывалось подозрение: в нашей стране общение с потусторонними силами — дело не менее обыденное, чем детский запор. И как-то все вдруг подобралось одно к одному, будто нарочно! Кусок мела услужливо завалился в кармане куртки — вчера машинально утащил из кабинета. За алтарь сошла картонная коробка от телевизора — уже три дня стояла в коридоре возле пятой комнаты. Девчонки из двенадцатой одолжили сырой куриный окорочок — вообще-то требовалась лапа, но Иван решил, что не суть важно. Чахлая майская былинка крапивы выросла под окнами второго корпуса. Свеча имелась в хозяйстве, пусть не восковая, парафиновая, зато с ароматом ванили. И даже псевдолатинская абракадабра заклинания с третьего прочтения крепко впечаталась в память.

Вопроса, зачем он все это делает, Иван не успел себе задать. Должно быть, так не хотелось заниматься историей, что на любую глупость был готов, лишь бы подальше от хрущевской оттепели. А может, это таинственные потусторонние силы уже простерли над его головой свою могучую длань.

Конечно, он просто валял дурака, и на эффект ни одной секунды не рассчитывал, и думал лишь о том, как в понедельник на лекции по химии будет шепотом рассказывать Аленке о своем мистическом эксперименте, и она будет хихикать так мило, как умеют только московские девчонки, а саратовские не умеют... Поэтому, когда в пентаграмме вдруг полыхнуло, и грохнуло, и взвыло, он от неожиданности повалился навзничь и, может быть, даже сознание на миг потерял не то на нервной почве, не то потому, что приложился затылком о край Лехиной кровати.

«ДЕМОН! Я вызвал демона! Они СУЩЕСТВУЮТ!!!» — восторг смешивался с паникой, мысли разъезжались, руки и колени тряслись. Стоя на четвереньках, Иван с трепетом вглядывался внутрь пентаграммы. Там, в густых клубах черного дыма, обреталось что-то живое — угадывались смутные контуры, чувствовалось движение. А дым потихоньку рассеивался...

...Оно полулежало, опершись на невидимую стену пентаграммы, задушенно кашляло и всем видом своим вызывало разочарование. Потому что ожидания не оправдывало катастрофически. В облике пришельца было что-то от анимешного персонажа — длинная челка, острый подбородок, глазищи чуть не вполлица. Пожалуй, юные девицы были бы от него в восторге. Но только не Иван. Он-то демона вызывал! Он-то рассчитывал увидеть чудовище с картинки: крылья, когти, клыки... А у этого — когти разве? Ерунда какая-то, чуть больше, чем у кошки. А клыки? Вампирам и то крупнее рисуют! И одежда дурацкая: штаны... кожаные, что ли? — не разберешь на глаз, белая рубашка с кружевами по отложному вороту, поверх нее — что-то вроде серого мундира с красными отворотами и несколькими неопрятными заплатками, пришитыми явно мужской рукой. Высоченные сапоги с отворотами. Еще нож на поясе. Большой. Серьезный такой нож, настоящий. Но это дела не меняет, демонам оружие вообще не положено, равно как и одежда.

— Эй! — окликнул Иван сердито. — Ты кто? Ты демон?

— Демон? — Пришелец удивленно заморгал глазищами. Похоже, он был еще не в себе. — Почему демон? Не-э... Я вот... — он поднял свой пакет, — за сосисками в лавку ходил...

Тут днище у пакета лопнуло, содержимое вывалилось на пол. Это действительно были сосиски, розовые и толстые. Иван не смог сдержать удрученного вздоха.

— Ну вот! — огорчилось странное создание (к слову, говорило оно уж никак не по-русски, но Иван его непостижимым образом понимал). — Порвался из-за тебя... А ты сам кто? Некромант? Или чернокнижник?

— Спятил?! — Иван с негодованием отверг оба предположения. — Я человек! Студент!

— Вижу, не слепой! — буркнул пришелец недовольно. — Ты человек и учишься на некроманта...

— Я на почвовед а учусь! — перебил Иван, почему-то почувствовав себя оскорбленным до глубины души. Но ему не поверили.

— Неправда! Почвоведы не такие! Они не стали бы меня похищать!

— А я тебя и не похищал, я демона вызывал!

— Демона?! — округлил глаза пришелец. — А говоришь, не чернокнижник! Ты темная личность, и я тебя опасуюсь! Сгинь!.. Нет, лучше верни меня на место. Я же не демон, значит, тебе не нужен.

— Абсолютно не нужен! — согласился Иван охотно. — Можешь отправляться, откуда пришел! Я тебя не держу!

Пришелец взглянул на него, как на глупого. Выговорил медленно и раздельно:

— Ты. Меня. Должен. Вернуть. Сам я никак не могу. Тут нужен ритуал. Расстарайся уж как-нибудь, у меня завтра зачет по искаженной логике. Раз ты студент, должен понимать, что значит пропустить зачет.

— Понимаю, — снова согласился Иван. — Ритуал так ритуал. Шас, на сайте гляну...

Глянул. Право, лучше бы и не видеть никогда! Вернее, *раньше надо было глядеть*. Чтобы вовремя остановиться и глупостей не натворить. Да, вызвать демона оказалось сущим пустяком. Но *вернуть обратно*... От перечня необходимых ингредиентов у Ивана глаза полезли на лоб: конская моча, крысиная шерсть, земля с безымянной могилы, ветка розмарина, капля крови девственницы... И апофеозом всей этой чертовщины был указательный палец мертвеца!

Ничего себе! — взвыл Иван. Он только теперь начинал осознавать, в какую историю угодил. Выходит, ему еще повезло, что пленником пентаграммы оказался этот странный парень с сосисками! А если бы попался **НАСТОЯЩИЙ ДЕМОН**?! Как быть тогда, не имея под рукой шерсти, мочи и всего прочего?

— Ты чего орешь? — осведомился пришелец не без осуждения в голосе. — Что там тебе не нравится?

— Палец мертвеца! Где я его возьму, по-вашему?! — Ответ был адресован скорее компьютеру, нежели собеседнику, но тот откликнулся, не задумываясь:

— Надо найти на улице безродного покойника и отрезать. Обычное дело.

— Обычное?! У нас, знаешь ли, покойники на улицах не валяются.

— Да? — Пришелец выглядел неприятно удивленным. — Неужели так быстро сжирают?! Безобразие какое! Куда смотрит магистрат?!

Иван даже поперхнулся от такого высказывания и ответить не смог. Пленник истолковал его молчание по-своему.

— Значит, надо кого-нибудь убить. Если тебе самому неловко, выпусти меня, я сделаю. Не хотелось бы, конечно, не люблю... — Он поморщился и продолжать не стал.

А Иван почувствовал себя очень, очень неудобно. Слишком уж спокойно, по-деловому говорил парень об убийстве.

— И что, часто тебе доводилось это делать? — хрипловато спросил он.

Пришелец пожал плечами:

— Ну как... Случалось, конечно. Война... А ты сам разве не того?..

— У нас нет войны! — отрезал Иван зло.

— Вообще? — Пришелец вроде бы даже не поверил.

— По крайней мере, поблизости.

— Везет! — вздохнул тот. — Значит, тебе беспокоиться нечего. А я не явлюсь ночью на зачет и загремлю на передовую...

— А! Так ты от армии косишь! — догадался Иван.

— Что я делаю с армией? — не понял парень.

— Бегаешь от нее.

— Ты что?! — У пришельца округлились и без того огромные глаза. — Ты вообще думай, что говоришь! За такие слова и убить можно! Неужели тебе не совестно? — Столько укоризны было в голосе существа, что Иван и вправду почувствовал укол совести. — ...И выпусти меня наконец! Здесь уже дышать нечем! — Он снова закашлялся.

— Ага! Щас! Я тебя выпущу, а ты меня убьешь! — Чувства чувствами, а о собственной безопасности тоже забывать не стоило. Парень в пентаграмме грозным бойцом не выглядел, но очень уж хорош был его нож.

— Не убью, иначе кто меня возвращать станет? — был ответ.

Иван счел его убедительным.

Убирать пентаграмму целиком он не стал — вдруг еще понадобится? Стер ногой контур одного луча, пришелец вывалился наружу, охнул, втягивая свежий воздух (удивительно, но в комнату дым не полез, так и остался в пентаграмме), и бесцеремонно, с размаху плюхнулся на Лехину кровать. Пружины взвизгнули, очередная ножка подломилась — ну не любила общажная мебель грубого обращения, деликатности требовала (пока Иван с Лехой не усвоили эту печальную истину, часть ножек успели заменить стопки учебников и два кирпича). Пришелец обескураженно сказал «Ой!», но вставать не стал, только велел Ивану:

— Ты мои сосиски собери, они хорошие. У тебя тут ледник есть?

Ледника, понятно, не было, был мини-холодильник Лехи, притом хронически пустой — даром место занимал. Леха просто мечтал от него избавиться — вернуть домой, но мамаша его была непоколебима в своей уверенности, что без холодильника ее любимому сыну в столичном мегаполисе ни за что не выжить. А просто выкинуть было жалко, все-таки новая вещь.

Теперь вот пригодилась — для сосисок из потусторонних сфер.

— Ну что, пошли? — спросил Иван, закончив хозяйственные дела.

— Куда? — не понял пришелец.

— Добывать ингредиенты для твоего ритуала, разумеется!

Существо на минуту задумалось, что-то для себя решая. И решило.

— Нет. Ты иди один. А я пока тут у тебя посплю. Я всю ночь искаженную логику учил — глаза слипаются прямо... — Он деликатно, прикрыв рот ладонью, зевнул.

Почему-то Ивану стало досадно, уязвленным себя почувствовал: что за пренебрежение такое?

— Слушай! Ведь ты впервые оказался в нашем мире! Неужели тебе даже не хочется на него посмотреть?

— Хочется, — согласилось существо. — Очень. Но спать — еще больше. Когда еще момент выпадет?

— Ладно, — согласился Иван, — спи. Я записать не стану, туалет в конце коридора.

— Разберусь, — пообещал пришелец и отвернулся к стенке.

...Может, оно и к лучшему, думал Иван по пути. С одной стороны, заниматься поисками мертвых пальцев и конской мочи он предпочел бы не один, а в компании. С другой — могли возникнуть сложности: конечно, вызванное им существо демоном не являлось, но и на человека было не очень-то похоже. Правда, пусть лучше в комнате сидит. Интересно, кто же оно все-таки по природе? Ах черт! Тут только он вспомнил, что они с существом даже имен своих друг другу не назвали! Но не возвращаться же ради этого назад? Пути не будет.

Начать поиски Иван решил с розмарина. Нашел! Бабка, что торговала пряностями у остановки, клятвенно заверяла: это розмарин и есть, сама на подоконнике взрастила! Иван не нашел причин ей не верить, купил пучок изрядно помятой зелени.

С кровью девственницы, как ни удивительно, тоже не возникло проблем! Девчонка лет шести катилась на роликах по площади перед университетом. Шлепнулась и коленку разбила. Ребенок был хорошим — не пищал, не ревел, поднялся самостоятельно и хотел продолжить путь. Но налетела бабка, раскудахталась, принялась промокать ссадину бумажным платочком... Вот на этот платочек и нацелился Иван, замер, как хищник в ожидании добычи, прозорливо решив: уж если это не девственница, значит, их вовсе на свете не осталось... Окропленный кровью платочек полетел в урну. Иван выхватил его молниеносно и незаметно для окружающих (по крайней мере, он на это надеялся). Два дела было сделано!

Но дальше начались непредвиденные трудности с крысиной шерстью.

Крыс держала Танька Никитина, девчонка из их группы. Были они, конечно, белыми, но все-таки крысами, не носорогами же! Сойдет, решил Иван, но Таньки дома не оказалось, уехала на выходные в Питер (вот, оказывается, почему ее мобильник не отвечал!). А выпрашивать крысиную шерсть у Танькиной матери было как-то неловко: что она подумает? Вернулся с «Юго-Западной» на «Университет», пошел на биофак, но там чучело крысы было надежно заперто в стеклянной витрине. Объехал несколько зоомагазинов, потратив уйму времени даром — бдительные продавцы вовсе не желали, чтобы кто-то выщипывал их товар... Вот так, в бесплодных поисках, прошла суббота. Шерсть и мочу пришлось отложить на воскресенье. О пальце же Иван предпочитал пока не думать вовсе.

— А, это ты! — вяло приветствовал его пришелец. Похоже, за весь день он так и не покидал своего, точнее, Лехино-го ложа. — Ну собрал, что нужно?

— Не все! — уклончиво ответил Иван. — Ужинать будешь? Твои сосиски, мой батон...

— Я так понимаю, сегодня мне домой не вернуться? — присаживаясь, уточнил пришелец.

— Никак, — подтвердил Иван сурово. — Только завтра вечером... — и добавил про себя: «Если повезет».

— Плакала, значит, моя извра... искаженная логика. Ну ладно, давай поедим. Все одно помирать, так хоть сытым... — В тот момент Иван еще не обратил внимания на его последнюю реплику.

...Батон был длинным, свежим и аппетитным, пришелец очень хорошо на него налег, половину съел. А сосиски имели привкус странный.

— Куриные, что ли?

— Ага, — согласился пришелец. — По сути своей, что есть василиск? Огромная огнедышащая курица, и ничего больше... То ли дело драконина! — Он мечтательно вздохнул. — Драконина с мандрагорами... Пробовал?

Иван поперхнулся куском и сосисок больше есть не стал, сварил оккультный окорочок. «Все-таки простая курица

привычнее огнедышащей», — пояснил он, чтобы не обижать гостя.

А больше они в тот день ни о чем не говорили — пришелец снова хотел спать. Уже в темноте Иван вспомнил:

— Слушай, давай хоть познакомимся, что ли! Я Иван Степной, а как тебя зовут-то?

— Меня?! — Странное создание беспокойно заворочалось. — Меня? Ох! Слушай, давай завтра, на свежую голову, а? Я сейчас не в состоянии просто вспоминать...

— Ну завтра так завтра, — откликнулся Иван упавшим голосом, провести ночь в компании ненормального ему как-то не улыбалось. А он еще сестру ругал за беспамяństwo! А оно вон как на свете бывает — собственного имени некоторые вспомнить не могут!

Только утром он понял, в чем было дело, и перестал пришельца осуждать. Потому что звали того Кьетт-Энге-Дин-Троннер-Альна-Афауэр — и Стренна-и Герцерг ан Свеффер фор Краввер-латта Феенауэрхальт-Греммер-Игис-Маарен-Регг... — а дальше он так и не вспомнил, хотя очень старался.

— С ума сойти! — присвистнул Иван. — А покороче нельзя?

— В смысле?

— Ну родители в детстве тебя как называли?

— Я с малых лет сирота, — ответил пришелец с достоинством.

— Извини. Но ведь не может быть, чтобы тебя всеми этими словами называли... гм... в быту. Друзья к тебе как обращаются? Или там начальники, преподаватели?

— А! — обрадовался несчастный обладатель бесконечного имени. — Ну близкие друзья, понятно — Энге; преподаватели — Кьетт Краввер; начальники — ан Свеффер; подчиненные — фор Краввер-латта... Вот!

— Ладно. Мне лично как тебя называть? Не жди, что я стану оглашать весь перечень!

— Нет, конечно, — поспешно согласился пришелец. — Не надо весь! Зови меня... ну хотя бы Феенауэрхальт. Пусть будет коротко и нейтрально.

— Ничего себе — коротко! — возмутился Иван. — Язык свернешь. Я буду звать тебя Дин. — Это единственное, что он смог запомнить на слух.

Но пришелец смутился и фыркнул:

— С ума сошел? Что о нас подумают?! Так меня станет звать жена, если однажды я ею обзаведусь!

— Ох! Как у вас все запутано!.. Ладно, как там первое было? Кьетт? Вот им и будешь.

Пришелец поморщился:

— Это будет звучать так, что ты меня старше.

— А тебе сколько лет? — быстро сориентировался Иван.

— Мне? Много. Девятнадцать.

— Вот видишь! А мне — двадцать один! Я тебя определенно старше.

— Да? — Кьетт оглядел его придирчиво, с недоверием. — А сколько у вас здесь длится год?

— Триста шестьдесят пять дней.

— А день?..

В общем, как ни крути, по всему выходило, что Иван старше.

— А может, вы живете дольше нас? — нашел последнюю зацепку пришелец, ну никак не хотелось ему в младших ходить! — Продолжительность жизни здешних людей какая?

— Ну... лет восемьдесят — девяносто в среднем... — немного приукрасил печальную действительность Иван.

— И только? — вздохнул Кьетт и больше вопросов не задавал, видно, расклад вышел совсем уж не в его пользу. Молча дожевал остатки вчерашнего батона и вновь направился к кровати. — Ну ладно, ты ступай за мочой и шерстью, а я еще посплю.

— Сколько же можно спать? — удивился Иван. — На вторые сутки пошел... Слушай! А ты того? Ты в порядке? Здоров в смысле?! — Только теперь он заметил, что его невольный гость выглядит совсем нехорошо, будто не спал эту ночь, а землю пахал... точнее, на нем пахали: бледный до синевы, глазищи обведены чернотой, взгляд мутный какой-то... — Тебе не плохо, нет?

— Ну что тебе на это ответить? — пробормотал Кьетт, потянувшись по-кошачьи. — Сдается мне, здесь у вас очень

низкая плотность внешних астральных полей... Слабоват естественный магический фон.

— И что? — не понял Иван.

— Как бы тебе объяснить... Ты ведь имеешь представление об осмотических процессах?

Иван согласно кивнул:

— Допустим.

— С магией то же самое. Я — магическое существо, и мой внутренний м-потенциал, без ложной скромности, очень высок. И поскольку любая магическая система стремится к равновесию... тьфу, запутался. В общем, начинается перераспределение сил. Астральные поля твоего мира — или рела, или слоя бытия, как хочешь обзови, не в том суть — начинают повышать свой потенциал за мой счет.

— И что? — почувствовал недоброе Иван.

— Да ничего хорошего. У каждого магического существа есть нижний допустимый предел м-потенциала. Так вот, если внешний магический фон меньше нижнего предела помещенного в него организма, то всё. Окружающая среда будет выкачивать из него все силы, и он в определенный момент погибнет. Но даже тогда мертвое тело его будет отдавать свою магию, пока внутренний м-потенциал не сравняется с внешним.

— Та-ак! — Иван где стоял, там и сел. — И ты хочешь сказать...

— Угу, — скромненько подтвердил обладатель высокого потенциала. — Хочу. Именно этот процесс в данный момент и происходит.

Ивану стало жутко. Только мертвого тела ему в комнате не хватало!

— И как долго это будет происходить?! — бестактно брякнул он. — На сколько тебя хватит?

— Ну... — снова замялся Кьетт. — Скажи, здесь у вас есть практикующие маги?

— Маги? Да черт их знает! Не верю я в эту чепуху! Попадают шарлатаны какие-то: гадалки там всякие, колдуны...

— И много их? — вздохнул пришелец.

— Да полно... Но они же не настоящие. Людей просто дураят!

— Потому и дурят, что естественный магический фон очень слабый, ни на что не годный... Ну сегодня не будут дурить. Все сделают по правде.

— То есть?

— Сейчас все колдуны, гадалки и прочие шарлатаны твоего мира тянут силы из меня. Так что сам понимаешь, — Кьетт виновато развел руками, — надолго меня не хватит. Все-таки я не демон... хотя тут и демона не хватило бы, пожалуй...

— Сколько?! Конкретно! — прорычал Иван.

— До вечера, думаю, дотяну. Но вторую ночь мне не пережить, нет.

— И ты об этом так спокойно рассуждаешь?! — поразился Иван.

Кьетт утомленно смежил веки.

— А что мне остается? Или ты хочешь, чтобы я рыдал и возносил молитвы?.. И потом, я слегка надеюсь, что до вечера ты вернешь меня на место...

— Верну! — горячо обещал Иван и собрался уж бежать, но обернулся с порога. — Слушай, неужели нет никакого средства тебя заизолировать? Ну чтобы потенциалы не перетекали... — Ох, не силен он был в магической терминологии!

— Почему же нет? Есть! Иначе все магические существа давно бы вымерли!

— Ну так изолируйся, чего ты ждешь? Что для этого нужно? Заклинания какие-нибудь, зелья, ритуалы?

Кьетт мрачно рассмеялся:

— Вот именно, зелья. И где я их, по-твоему, возьму, если в вашей богами забытой дыре даже такую мелочь, как палец мертвеца, нельзя раздобыть без проблем?

— А раньше ты о собственной безопасности не мог подумать? — огрызнулся Иван, обидевшись за свой мир. — Прежде чем к нам попасть...

— Прежде чем к вам попасть, — перебил Кьетт, — я тихо-мирно шел в лавку за сосисками. И даже заподозрить не мог, что некий олух примет меня за демона и без всякой на то причины выдернет из привычной, насыщенной магией среды в сию астральную пустыню! Если всякий раз, отправ-

ляясь в лавку, замыкать свое астральное поле — это все равно как... как... — Он запнулся, подыскивая подходящее сравнение.

— Как если бы я перед выходом из дома каждый раз надевал костюм химзащиты на случай возможной техногенной катастрофы! — с раскаянием закончил его фразу Иван. — Ладно, ты лежи, а я пошел! Я быстро! До вечера успеем, не волнуйся!

— Не буду, — покорно согласился Къетт и тихо всхлипнул. Все-таки ему было страшно.

Тревога придала Ивану изобретательности. Крысиную шерсть он раздобыл-таки на этот раз! Рванул на птичий рынок — уйму времени убил, пока добрался. Купил белую крысу, самую мохнатую из всех предложенных, клочок шерсти состриг заранее припасенными маникюрными ножницами (знала бы Ирка из семнадцатой, зачем они ему понадобились, — ни за что не одолжила бы). А крысу тут же перепродал за полцены, зато в хорошие руки — ее сразу, не отходя от кассы, принялись целовать и кормить.

С «Птички» довольный собой Иван подался на Беговую, на ипподром — опять через всю Москву. Сочинил трогательную историю — типа он несчастный студент-ветеринар, которому грозит неминуемое отчисление, если в ближайшие часы не произведет анализ конской мочи. Ну сжалился какой-то дядька, провел, позволил набрать шприцом из свежей лужи... Вряд ли отобранный материал годился для лабораторных исследований, но для целей оккультных — почему бы нет? Так ловко все прошло, что подумалось: может, и палец таким манером получится раздобыть? Пойти в морг, сказаться студентом-медиком, заплатить, если что... Есть же у них там бомжи какие-нибудь, не убудет с них от одного пальца...

Бомжи, может, и были. Не было денег. А главное — решимости. Уж так не любил Иван все эти замогильные дела, так не любил... И потом, морг — это вам не ипподром. Наверняка какие-нибудь разрешения требуются, документы. Студенческий спросят и поинтересуются — а зачем почвоведу чужой палец? Выйдет неловко...

В общем, от посещения моргов Иван отговорил себя на удивление легко. Но нужно было искать альтернативу. А какая может быть альтернатива свежему покойнику? Ясно: скелет. Скелетов Иван не боялся совершенно. И даже знал, где они есть: на биофаке. И даже не под стеклом, просто в кабинете стоит, на видном месте — заходи и бери. Если бы не воскресный день. До понедельника кабинет не откроют, до понедельника Кьетт не доживет... Как же быть, как быть...

И тут решение попало ему на глаза! Само! Просто бросил случайный взгляд на витрину магазинчика — и увидел.

Это был манекен, причем не дешевый, из тонкого пластика, а отличный, очень натуралистичный, плотный — гипсовый, что ли? Да неважно! Главное, во-первых, человек, во-вторых, определенно не живой. Не живой — значит, мертвый. Мертвец! Что еще надо для счастья?

...Откуда было бедному Ивану знать, что ход его рассуждений как нельзя лучше соответствовал принципам той самой «искаженной логики», которую пришелец Кьетт не смог сдать по его вине?

Бочком, бочком, стараясь казаться маленьким и незаметным, Иван проник в небольшой торговый зал. Огляделся. Побродил между рядами вывешенных пиджаков, курток и плащей, будто бы подыскивая обнову. Все ждал — вот сейчас подлетит разлюбезный продавец, начнет навязывать свои услуги. Но две девчонки за прилавком даже не обернулись в его сторону, было у них занятие повеселее возни с клиентом — одна другой сооружала что-то на голове с помощью массажной щетки и вонючего до слез лака. Средь бела дня, прямо на рабочем месте! Пожалуй, в другой момент Ивана такое поведение обслуживающего персонала возмутило бы: конечно, по нему видно, что небогатый клиент заглянул, но все-таки тоже человек! Однако на этот раз бессовестное поведение продавщиц было ему только на руку. Потому что в дальнем углу зала стоял облаченный в джинсы и диковатую желтую куртку еще один манекен! И был он куда доступнее первого, того, что на витрине, просто подходи и бери.

Двадцать с лишним лет прожил на свете Иван Василье-

вич Степной и за весь этот срок ни *разу ничего не украл*. Вот и крался теперь на дрожащих, негнущихся ногах и трепетал так, будто не палец манекена — кассу собрался взять. Подобрался бочком, бочком, озираясь, нет ли камер. Отвернувшись, не глядя, пошарил за спиной правой рукой. Нашупал холодную мертвую кисть. Нажал сильно и резко. Хрупнуло.

Спрятав трофей в карман, похититель удалился медленно и с достоинством, чтобы не вызвать у окружающих подозрения. Руки дрожали, холодный пот выступил на лбу. Одна-единственная мысль, точнее, фраза крутилась в голове: «Дело сделано, — сказал слепой...»

...В комнату свою он возвращался со страхом — разыгрались нервы, почему-то возникла уверенность: все было напрасно, он опоздал, и на Лехиной кровати ждет его молодой красивый труп.

Однако пришелец Кьетт был жив и приветствовал его недовольной репликой: «Ну, наконец-то! Я уж думал, тебя рузы сожрали!»

— Какие рузы? — вяло удивился Иван, он чувствовал себя совершенно разбитым.

— Перепончатокрылые, — ответил Кьетт с раздражением. — Это присловье такое. У вас что, рузы не водятся?

— Не водятся, — подтвердил Иван. — Нет у нас никаких руз. Тем более перепончатокрылых.

— Да? Странно. Люди есть, а руз нет. Кто же вас ест тогда?.. Ну ладно, не до того сейчас... Ты все принес, что нужно?

— Все! — с заслуженной гордостью объявил Иван. — Шас мы тебя на родину наладим... Давай, в пентаграмму становись... Ты сам-то дойдешь? — выглядел его пленник еще хуже, чем утром.

Кьетт встал, покачнулся и бодро заверил:

— Дойду!

И впрямь дошел. В пентаграмме сразу сел на пол, обхватив руками острые колени, а потом спросил заботливо:

— Иван, а ты не хочешь куртку надеть?

— Зачем? — не понял тот. В комнате было тепло, даже душно. Или магическое перемещение демонов и лиц им подобных сопровождается поглощением тепла из окружаю-

щей среды? Ивану живо представилась промерзшая насквозь комната: иней серебрится на стенах и мебели, сосулька свисает с лампы, на полу хрустит корочка льда...

— У нас во Флангальде сейчас прохладно.

— А?

— Прохладно, говорю, у нас во Флангальде. Весна затяжная в этом году, снег не сошел до сих пор.

— А я тут при чем?!

Кьетт беспокожно заерзал.

— Ты-то?.. Знаешь, я все лежал, думал-думал и решил: ты отправишься со мной во Флангальд!.. И даже не спорь! Зачет я пропустил. Стану оправдываться — мне никто не поверит, решат, что вру или вообще спятил. Но если я предъявлю тебя, такого чужеродного и экзотического, и ты мои слова подтвердишь...

— Стоп! — заорал Иван в голос. — И не надейся! Никуда я не отправлюсь! Решил он, видите ли! А меня нельзя было раньше спросить?!

— А ты меня спрашивал, когда сюда тащил? — невозмутимо напомнил Кьетт. И продолжил проникновенно: — Послушай, Иван. Я — магическое существо. Ты — нет. Конечно, шарлатаны ваши крови моей выпили немало, но даже теперь у меня хватит сил заставить тебя сделать все, что я пожелаю. В окно выпрыгнуть. Родного отца зарезать. Отправиться хоть во Флангальд, хоть в Черные Сферы. Но я этого не хочу, понимаешь? Это неправильно — лишать разумное существо собственной воли, так не должно быть. Просто ты сделал глупость и обязан ее исправить, это твой моральный долг. Есть же у тебя совесть?.. И потом, сам посуди, когда еще тебе выпадет случай побывать на другом уровне бытия? Учítывая, как плохо у вас с магией! Может, это твой единственный шанс? Главное, меня упрекал, что я вашей жизнью не интересуюсь, а сам?! Сидишь как пришитый в своем мире — никакого кругозора, одно и то же день за днем...

Да, это создание умело убеждать. Так тошно и скучно вдруг стало Ивану — четыре стены, две кровати, три стула — два хороших, один «гостевой», с ножкой, имеющей коварную привычку подкашиваться... Завтра понедельник — че-

тыре пары, и снова четыре стены... В кои-то веки случилось в жизни что-то небывалое, чуть приоткрылись неведомые горизонты — и вот сейчас он захлопнет их собственной рукой, закроет навсегда, как и не было ничего...

— И вообще, что ты теряешь? От силы час времени уйдет — от мясной лавки до академии дойти! А там у нас знаешь какие специалисты — в момент тебя назад вернут, без всяких мертвых пальцев и пентаграмм! Соглашайся, ну?..

И он согласился.

И сделал все как нужно: шерсть, окровавленный платок и розмарин сжег. Конскую мочу с пеплом смешал, используя для разбалтывания смеси указательный палец манекена (принял столько страданий ради такой ерунды, как будто ложкой нельзя было обойтись!), заклинания прочел без запинки. А когда пентаграмма озарилась изнутри мерцающим синим светом — прыгнул внутрь и вцепился в плечо Кьетта...

Потом был свет, и грохот, и тьма...

«Вот так, должно быть, и помирают люди», — мелькнула последняя, полузадушенная мысль...

ГЛАВА 2,

*которая учит читателя:
не снимай то, что не тобой повешено*

На самом деле никто не умер.

Они сидели плечом к плечу на плоском и широком камне, о шершавую поверхность которого только что очень чувствительно треснулись. Холодно было — зуб на зуб не попадал, и куртка толком не спасала.

Ветер гнал по низкому багровому небу рваные клочья черных туч. Невыразимо унылая равнина тянулась на все четыре стороны горизонта, сколько хватало глаз, — ни дерева, ни самого чахлого кустика, только редкие плоские камни, чуть выступающие над топкой серой почвой. В воздухе висел запах тлена, как в старом погребке. Мертво, голо, беспросветно. Признаков жизни — никаких...

— Да-а, — с чувством протянул Иван. — Мрачное же место — этот твой Флангальд...

— Место мрачное, — согласился Кьетт. — Но кто тебе сказал, что это Флангальд? Я бы сказал, ничего общего!

— То есть... как?! — опешил Иван. — Если это не Флангальд... Нет, ты УВЕРЕН?! Может, просто место тебе незнакомое, ну в сторонку нас отнесло, я ведь в колдовстве не очень смыслю... не рассчитал малость...

— Я уверен АБСОЛЮТНО. ЭТО НЕ ФЛАНГАЛЬД! — отчеканил Кьетт.

— А что же тогда? Где мы вообще?! — В голосе Ивана явно слышались панические нотки.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Кьетт, сохраняя внешнее спокойствие. — Колдовал ты, тебе виднее, куда нас забросило! — Помолчал и добавил: — Должно быть, ты сделал что-то не так.

— Что я мог сделать не так? — искренне возмутился Иван. — Все, как написано: сжег, смешал, сказал...

Кьетт окинул его подозрительным взглядом.

— Может, компоненты плохие были? Знаешь, с кровью девственниц всегда есть риск. Торговцы так и норовят...

— Девственница она была! — перебил Иван свирепо. — Головой ручаюсь!

— Ну ладно, ладно, — поспешно согласился Кьетт, бурная реакция товарища по несчастью его, похоже, напугала, — девственница так девственница, тебе виднее. Наверное, это шерсть негодная оказалась, подсунули вместо крысы крашеного хорька...

— Я ее самолично состриг с живой толстой белой крысы...

— А-а! — обрадовался Кьетт. — Так с серой надо было! Белые для магии плохо подходят... Хотя нет. Не мог цвет такое радикальное влияние оказать, чтобы на другой уровень перебросило! Во времени сдвинуть, на день вперед, на день назад — куда ни шло. Но в другой мир... Нет и нет! Не в шерсти дело. Моча ослиная была?!

— Сам. Из-под кобылы. Собрал.

— А ты хорошо смотрел? Может, она была мул?

— В нашем мире, чтоб ты знал, мула днем с огнем не сы-

щешь. Это была отличная беговая кобыла... Понял! Бабка обманула, зараза! Какую-то дрянь вместо розмарина подсунула! Убить мало!

— Не клевети на бедную старушку, — велел Къетт сурово, — это грех. Розмарин был настоящий, я без тебя одну веточку нечаянно съел. Люблю розмарин до страсти.

— Ты съел, вот и не хватило!

— Ерунда. Там его за глаза было! На пять раз хватило бы!

— Тогда что?!

Пару минут они сидели молча, сверля друг друга обвиняющим взглядом. Потом снова заговорил Къетт, на этот раз осторожно:

— Слушай... Ну не мог же ты перепутать? Не мог отрезать палец от живого, правда?

— Разумеется! — подтвердил Иван с чувством. — Что я, живое от неживого не отличу? Это был абсолютно мертвый, холодный, гипсовый палец!

— Как... гипсовый? Почему гипсовый? — упавшим голосом пробормотал Къетт. А потом спросил жалобно, совсем по-детски: — И что же теперь с нами будет?

Ответа на этот вопрос Иван, понятно, не знал.

— ...Это все твое легкомыслие! Нельзя относиться к магическим манипуляциям столь небрежно! Ты и в первый раз что-то напутал, когда зацепил меня вместо демона, и теперь! В магии важна каждая мелочь, самая несущественная на первый взгляд деталь! Интонация заклинания, толщина линии, оттенок аромата... А ты посягнул на основы, изменил главные компоненты! Заменял природное искусственным! — отчитывал Къетт Ивана. — Да как тебе в голову могло прийти использовать куклу вместо плоти! Уму непостижимо!

Иван долго сносил его нотации молча, потом не выдержал, огрызнулся:

— И ничего в этом особенного нет, все так поступают. Слышал про Вуду? Берут куклу из воска вместо живой плоти, втыкают иглу...

И тут на лице Къетта появилось выражение такого отвращения, что Иван невольно осекся

— И после этих слов ты будешь дальше утверждать, будто

не практикуешь некромантию?! Некромант ты и есть! Самый настоящий! О боги, с кем я связался!

— Ничего подобного! — яростно воспротестовал Иван. Если бы он успел узнать своего товарища по несчастью чуть лучше, то понял бы, что на самом деле тот его просто дразнит. Но знакомство их длилось всего несколько часов, и обвинения в свой адрес Иван принял за чистую монету, стал оправдываться: — Не имею я ни малейшего отношения к некромантии! Ну слышал краем уха про Вуду, подумаешь! У нас все про это знают.

— Того не легче! Значит, у вас некромантский мир! — сделал свои выводы Кьетт. — Мир, настолько пропитанный злом, что адепты не считают нужным скрывать свои методы от непосвященных. Одна радость, м-поле у вас слабое, не то страшно представить, чем ваше существование грозило бы всему Бытию!

— Ладно, — потерял терпение Иван. — Мир наш ужасен, сам я ужасен...

— Угу, угу. — Кьетт удовлетворенно кивнул.

— ...и что из этого следует? Мы так и останемся сидеть на этом камне до конца дней? Или попытаемся что-то предпринять? Помню, ты своими потенциалами хвалился, так, может, предпримешь что-нибудь магическое?

— Вспомнил про мои потенциалы! — хмыкнул на это Кьетт. — Да я после вашего мира сам почти труп! И большее, что могу предпринять, — это попытаться встать... попозже.

Вот черт! Про эту-то беду он и позабыл! Ивану стало стыдно. И еще — страшно. Если бы Кьетт помер в комнате общаги, это, конечно, было бы ужасно. Но если он помрет теперь, оставив Ивана одного в этом жутком месте...

— Не бойся, не помру, — утешил Кьетт, будто прочитав его мысли. — Магический фон здесь вашему не чета! Настоящий астральный кисель! Думаю, через день-другой я вполне восстановлюсь. — Но подумал и прибавил: — Если мы не замерзнем раньше.

— Надо развести костер! — решил Иван. И от этого решения сразу стало легче на душе, хоть какая-то ясная цель появилась в жизни.

Перед всяким путешественником, попавшим в сложную жизненную ситуацию, рано или поздно встает подобная задача. Приходится пускаться на разные ухищрения: высекать искру с помощью кремней, добывать огонь трением или молитвой... На этот раз проблема была обратной. В кармане куртки Ивана лежал полный коробок спичек. Къетт сообщил, что в принципе умеет разжечь магическое пламя на собственной ладони, им что угодно можно подпалить, хоть хворост, хоть уголь, хоть самые сырые дрова. Беда в том, что на всем обозримом пространстве не наблюдалось ровным счетом ничего, способного послужить топливом. Они даже от валуна своего кое-как откололи кусочек ножом, проверили — вдруг, паче чаяния, горючий? Увы, это был самый обычный серый гранит.

И только приглядевшись внимательнее, Иван заметил стелющиеся между камнями тонкие бурые, изрядно подгнившие былинки — так выглядит ранней весной мурава, только что вытаявшая из-под снега.

— На безрыбье и русалка рыба, — выдал Къетт. — Иди собирай, а я подожду... Только далеко не отходи, мне одному страшно.

Нельзя сказать, что последнее его откровение прибавило Ивану боевого духа, но выбор был невелик, пришлось идти.

Сначала все шло благополучно. Он собирал мотки ползучей травы, оказавшейся неожиданно жесткой, как спутанная проволока, — достаточно было дернуть один побег, и за ним тянулось множество соседних. Осторожно ступая по пружинистой почве меж камней, сносил добычу к «своему» валуну, там Къетт раскладывал ее на просушку, придавливая собственным сапогом, чтобы не разлеталась. Очень споро шло дело, куча быстро росла.

— ...Ладно, давай уже назад! Хватит на первое время, — окликнул его Къетт. — Поджигаю?

Даже от магического пламени трава занялась не сразу, зато горела ровно, прогорала медленно и тепла давала достаточно, чтобы развеять мрачные мысли о гибели от переохлаждения организма. Но так уж устроены разумные твари разных миров, что не умеют довольствоваться тем, что име-

ют. Не успели немного отогреться — захотелось есть. Они сидели у огня друг напротив друга и страдали.

— Зачем мы не поужинали перед дорогой? — стонал Иван, чувствуя, как голод царапается внутри острыми коготками. — Я пока бегал, один пирожок за весь день перехватить успел...

— А я и того меньше, — вторил Къетт печально. — Какая глупость: огонь есть, еды нет!.. Кстати, об ужине! Как ты думаешь, зачем здесь красное небо? Это восход или закат? — В тоне его послышалось беспокойство.

— Откуда мне знать. — Иван пожал плечами. И предположил: — Может, оно всегда такое?

— Хорошо бы... — пробормотал Къетт, подползая ближе к огню. — Хорошо бы это был не закат...

— Почему? — упавшим голосом спросил Иван — он догадался, каков будет ответ.

— Не знаю, как у вас, — тщательно подбирая слова — чтоб не накликать! — выговорил Къетт, — а у нас по ночам вылезает много всякого разного... которого лучше бы не вылезало. Знаешь, пока не стемнело, собери-ка еще травки, чтобы хватило до утра. А то мало ли... ТЫ ЧТО?!

— Ай! — прошептал Иван, глядя ему за спину остановившимся взглядом. — Уже! ЛЕЗЕТ!

Къетт резко обернулся.

«Оно» лезло из-за соседнего, шагах в двадцати расположенного камня. Крупное, белесое, омерзительное до предела. Ползло на четвереньках, разевало широкую зубастую пасть, капало слюной, вращало тусклыми желтыми глазами. Пропорциями тела напоминало человека, исхудавшего до состояния живого скелета, но голову имело, пожалуй, собачью, только голую, без шерсти. Выглядело, скажем так, существом разумным, но совершенно обезумевшим и никакого сомнения в своих намерениях не оставляло: оно собиралось ЖРАТЬ.

Иван трусом не был, это мы можем утверждать со всей ответственностью. Богатырским сложением он не обладал, приемами восточных единоборств не владел, но по-простому, по-нашенски дать в морду тому, кто заслужил, умел. Че-

ловека бы он не испугался. Но это... Это даже не страх был, а какая-то потусторонняя, парализующая жуть, как в дурном сне. Растерянность полная. Как быть, в чем искать спасения? Бежать? Прятаться? Сражаться ножом? Он был близок к панике и, пожалуй, бросился бы наутек, не будь рядом Кьетта, способного разве что попытаться встать...

А тварь была уже совсем рядом, и узловатые пальцы ее цеплялись за камень. Иван пятился, она наползала медленно, но неотвратно, влекомая теплом костра и запахом свежей плоти...

И все-таки он нашел в себе силы собраться с духом. Сражаться! Другого выхода нет! Он обернулся к Кьетту, чтобы взять нож... И снова остолбенел.

Его товарищ по несчастью как сидел, так и продолжал сидеть в расслабленной позе, наблюдая за приближением кошмарного монстра с благосклонной полуулыбкой. Такое выражение лица бывает в ресторане у гурмана, когда к его столику официант подносит любимое блюдо...

— Эй! Ты чего... — начал Иван, решив, что несчастный повредился умом от страха...

И тут он прыгнул. Нет, не монстр. Кьетт. Прямо с места, прицельно точно, одним отработанным боковым броском атакующего хищника впился чудовищу в белое горло! Иван от ужаса взвыл, тварь тоже, полузадушенно и жалко, — а кому понравится превращение из охотника добычу?

К счастью для Ивана — в противном случае его нервы, пожалуй, не выдержали бы, — сцена кровавой не была. Кьетт просто висел на чудовище, вцепившись когтями, лишь немного превосходящими кошачьи, и клыками, уступавшими вампирским. Он висел, а тварь оседала, выцветала, будто таяла в промозглом воздухе чужого мира... Потом обмякла и испустила дух.

Кьетт немедленно выпустил жертву и легко поднялся на ноги, веселый и довольный.

— Ну вот! — объявил он, вытирая ладонью рот. — Сразу стало легче жить!.. А ты что такой зеленый? Тебе нехорошо? — Милый, заботливый такой...

— Я... Мне... — У Ивана перехватило голос. — Как... Что ты с ним сделал?

Наверное, тон у него был слишком резким и осуждающим, Кьетт смутился.

— Как что? Того... Примерно то, что делали со мной шарлатаны твоего мира. Выкачал. *Опустошил*. Потенциалы свои восстановил. Теперь идти сможем... Ты не рад?

— Скажи. Честно. — Ивану еще трудно было говорить. — Ты и со мной можешь вот так?..

— Ты что, дурной? — почему-то обиделся Кьетт. — За кого ты меня принимаешь? Я что, упырь? Ты немагическое существо, что с тебя можно взять? Если и есть в тебе зачатки магии — хоть всю до основания вытяни, ты даже не заметишь.

— То есть человека ты убить не можешь? — уточнил Иван для полной ясности и спокойствия.

— Могу. Ножом. Если нападет. Сам я на людей не охочусь, если ты это имеешь в виду.

— Это утешает! — выпалил Иван с чувством. — Что ты не упырь... Слушай! — Он вдруг сообразил, что самое главное-то упустил! Сказали, что не демон, ну и успокоился... — **А ТЫ ВООБЩЕ КТО?!**

— Как кто? В смысле? — Кьетт даже попятился от такого вопроса, не понял, о чем речь.

— Ну я, допустим, человек. А ты? Кто ты по природе? Биологический вид или что там у вас бывает?

— Я по природе нолькр, — с достоинством ответил Кьетт. — Не видно разве?

— Просто я раньше никогда не встречал нолькров, — пробормотал Иван удрученно. — Вы у нас, слава богу, не водитесь! — Почему «слава богу»? Никакого представления о нолькрах Иван не имел, чего от них надо ждать — добра или зла — не знал. Просто вырвалось на нервной почве.

Ясно, что от столь бестактного высказывания обида Кьетта меньше не стала, и некоторое время они сидели молча подле затоптанного костра и бездыханного тела аборигена, очень недовольные друг другом. Потом нолькр сменил гнев на милость, заговорил первым:

— Ну ладно, хватит нам тут рассиживаться, пойдем.

— Куда? — буркнул Иван отрывисто и мрачно, хотя уж у

него-то ни малейшего повода для обиды не было, просто сдали нервы.

— Вперед. Все равно куда. Поищем, нет ли здесь другого... гм... ландшафта. Или жилья. И вообще, на движущуюся цель нападать сложнее.

Его последние слова решили дело. Никаких нападений Иван больше не хотел, за кем бы ни была победа, а потому вскочил резво, и они двинулись в путь. Вперед, куда глаза глядят, блуждая меж камней, цепляясь за петли травы, склоняясь под порывами злого ветра. Без цели по большому счету и без надежды. От безысходности.

Шли молча.

По прошествии времени Ивану самому стало казаться удивительным, что в первые дни знакомства они, выходцы из разных миров, к миру чужому не проявляли никакого любопытства, ни о чем друг друга не расспрашивали, и все разговоры их ограничивались темами чисто бытовыми, сиюминутными. Должно быть, так сказывался стресс, и разуму требовалось время, чтобы смириться с существованием невозможного...

— Дураки мы с тобой! — минут через пятнадцать ходу сообразил Кьетт. — Зачем против ветра идем, мучаемся? Давай в другую сторону!

И они развернулись, пошли назад, потому что какая разница.

За три часа пути местность совершенно не изменилась, зато небо сменило багровый цвет на тускло-желтый: начался день. Заметно потеплело, и ветер понемногу утих, перестал подгонять в спину. Какие-то мелкие синюшного оттенка твари стали выползать из-под камней, подставлять тусклому солнцу свои пупырчатые спины. Сами не нападали, но, стоило приблизиться к ним, принимались угрожающе шипеть и изгибать колючие хвосты на манер скорпиона, хотя к миру членистоногих отношения явно не имели, больше походили на рептилий или даже на млекопитающих, только очень уж гадких с виду.

— Не трогай ты их, — велел Иван спутнику, коим овладела излишняя любознательность, — не дай бог, ядом стрекнут!

— Думаешь, ядовитые? — опасливо попятился тот.

— Откуда мне знать? Но зачем-то же они хвосты задирают?

— Я думал, пугают просто... У них, между прочим, очень неплохой потенциал. Если что, сгодятся... гм... — Он уловил косой взгляд спутника и осекся.

Ивану стало тошно от одного воспоминания об утренней сцене с чудовищем, становиться свидетелем новой он категорически не желал. Но поразмыслил и решил: каждый выживает, как может. Если природа магических созданий вынуждает их обращаться друг с другом подобным образом — это их личное дело. И разумнее всего не осуждать их, а постараться извлечь выгоду.

— Давай так, — предложил Иван. — Я отворачиваюсь, ты ловишь этих уродцев, повышаешь свой потенциал до максимума и возвращаешь нас по домам. Идет?

Нолькр фыркнул:

— Когда б все было так легко! У нас нет подходящего оснащения, и заклинаний я не знаю нужных — мы даже простые порталные перемещения не изучали еще, не то что астральные. Не мой уровень магии, уж извини. Вызвал бы меня лет через десять, а лучше — через сто, тогда бы я тебе помог. Но не теперь.

Иван помрачнел.

— Хочешь сказать, у нас нет никакой надежды? Только и осталось, что загнуться в этой дыре?

— Надежда есть всегда! — сию банальную истину Кьетт изрек тоном мудрого старшего товарища. — У нас даже есть варианты. Либо найти хорошего мага и попросить, чтобы он нас вернул, либо вызвать демона и заставить его нас вернуть, либо раздобыть хорошую литературу по магии и постараться вернуться самостоятельно. Что ты предпочтешь?

Но Иван на его вопрос отвечать не стал, он думал о своем, страшном.

— А если нет в этом мире ни магов, ни книг, ни средств для вызова демонов? И вообще ничего нет? Если эта пустыня или это болото... — он сделал широкий указующий жест, — нигде не кончается? Тогда что?

— Тогда все, — признал Кьетт. И попросил: — Знаешь,

давай будем надеяться на лучшее. Хотя бы еще часок-другой.

Три часа они надеялись впустую. Устали, вконец оголодали, стерли ноги обувью, не приспособленной для дальних переходов по пересеченной местности. А хуже всего — страшно захотели пить.

Почва меж камней была волглой и топкой, под ногами хлюпало на каждом шагу. Иван вырыл ножом глубокую ямку, и в ней довольно скоро скопилась мутная жижа — назвать эту неаппетитную субстанцию водой язык не поворачивался.

— Думаешь, ее можно пить? — Иван с большим сомнением взирал на дело рук своих.

Кьетт присел, понюхал, опасливо потрогал жидкость пальцем, понюхал снова.

— Это не вода, — сообщил он. — Это настоящее поливалентное колдовское зелье, хоть разливай в бутылки и на рынок носи.

— Но пить-то его можно? Или оно ядовитое?

— Думаю, можно. Зелья пьют иногда. Но, думаю, нам стоит с этим повременить. Вот дня через три, когда у нас обезвоживание начнется, рискнем. Тогда ведь нам уже без разницы будет, от чего помирать...

Однако до крайностей не дошло. Что-то смутно-серое возникло впереди на горизонте. Оно приближалось медленно, но неуклонно, росло, высилось стеной. Длинная зубчатая цепь, уходящая острыми вершинами в темные облака... Горы! Казалось бы, ну и что? Кто сказал, что в горах их ждет что-то хорошее? Что не безлюдны они, подобно окружающей равнине, или неведомыми чудовищами не населены? Но радость была такая, будто дом родной на горизонте увидали. Или это было предчувствие?

— О-го-го! — радостно завопил Иван. — Живем!

— Живем, — охотно согласился Кьетт. — Вот видишь, как хорошо, что с питьем не поспешили!

А вскоре их ждала еще одна радость. Немоощная, разбитая и раскисшая, но явно рукотворная дорога пересекала их путь, тянулась вдоль горного хребта, до которого, по утверждению Кьетта (Иван в горах не разбирался, поскольку не

бывал), оставалось еще много часов пути, хотя казалось — рукой подать. Определенно разумная жизнь в этом мире была, и дорога вела именно к ней! Очень обнадеживающее открытие!

У всякой дороги, как известно, есть два конца. И у каждого из двух товарищей по несчастью оказалось собственное мнение, куда идти. Ивану почему-то казалось, что надо сворачивать направо, Кьетт возражал, ничем свое мнение не аргументируя: налево, и все тут! С какой стати?

Поразмыслив, Иван решил, что надо внимательно изучить следы и выбрать то направление, куда их больше ведет. В этом определенно был смысл, и минут двадцать они ползали вдоль и поперек невысокой насыпи с видом заправских следопытов. Но их усилия ни к чему не привели. Определять направление движения по старым (да хоть бы и по новым!) колеям они не умели, а отпечатков обуви или, на худой конец, копыт на дороге не сохранилось.

— Похоже, здесь сто лет никто не ходил, — заключил Иван уныло.

— Или все следы дождем смыло, — внес свою лепту Кьетт. — Как теперь поступим?

А как поступают разумные существа всех миров, когда им надо сделать немотивированный выбор? Жребий кидают! Одни считают результат случайным, другие усматривают в нем волю высших сил, но порой это бывает единственным способом принять решение.

Пятирублевая монетка завалилась у Ивана в кармане. У Кьетта была своя, в три кроны. Но он честно признал — Иванова красивее, а главное, отлита лучше, равномернее по толщине. Кидали три раза. Победил Иван.

И был очень горд, когда километров через пять-шесть (судя по времени) вдоль дороги, свернувшей к горам, стали встречаться сначала чахлые кусты, а потом и полноценные деревья — дубы с бурой осенней листвой и богатым урожаем желудей. Правда, гордость его слегка поуменилась, когда он увидел, что именно висит на одном из дубов, самом раскидистом и величавом.

Это был удавленник. Точнее, удавленница. Дева лет восемнадцати, очень эффектного телосложения, но в разо-

дранных одеждах, босая и косматая. Она глядела на мир мертвыми голубыми глазами, и несколько черных птиц уже прыгало рядом, радостно каркало в предвкушении обильной трапезы. Потом одна, самая нетерпеливая, слетела вниз, села красавице на голову и долбанула клювом в лоб.

Подобного зрелища Иван снести не мог. Только что стремился как можно быстрее проскочить неприятное место, а тут как перевернулось все в душе!

— Мы должны ее снять! — объявил он. — И предать тело земле!

— Еще не хватало! — горячо воспротивился Кьетт, чей жизненный опыт был, может, и ненамного богаче Иванова, но оказался более приближенным к местным условиям. — Как бы ее соплеменники нас самих потом земле не предали! Не мы вешали, не нам и снимать!

Иван его слушать не стал. Велел сурово:

— Дай нож!

— Ну и дурак! — пожал плечами нолькр, однако нож дал: не драться же из-за чужой покойницы! — Но на меня не рассчитывай, сам с ней возись...

— Справлюсь, — сквозь зубы бросил Иван и сделал уверенный шаг к дереву. Один. Второй вышел уже гораздо менее уверенным, третий дался через силу, на четвертом ноги стали подкашиваться, а руки дрожать. В общем, виси дева чуть дальше — так и осталась бы висеть. Но пятого шага не потребовалось. Отворачиваясь, чтобы не видеть жуткого синюшного лица, Иван резанул ножом веревку, та поддалась не сразу, пришлось пилить, и наконец мертвое тело мешком свалилось прямо на ноги своему «освободителю». Тот отскочил, не удержавшись от вскрика.

— И что теперь? — приблизившись, осведомился Кьетт, и в голосе его звучало неприкрытое осуждение. — Чем зарывать станешь? Только не моим ножом, не то окончательно затупится! Что тогда делать будем?

А вот это уже был аргумент! В краю, где юных дев принято развешивать на дубах, оружие следует содержать в боевой готовности. Иван без возражений вернул клинок владельцу и принялся беспомощно озираться в поисках какого-нибудь подручного средства: не настолько дорога была ему по-

койница, чтобы рыть ей могилу голыми руками. Подобрал с земли тяжелый сук, раз-другой ковырнул... Тяжелая и потная глинистая почва поддаваться не желала. «Натуральный суглинок!» — плюнул Иван и попытки прекратил. Ограничился тем, что, преодолевая отвращение, подтащил тело к краю насыпи, чтобы не видно было с дороги, и заporошил опавшей листвой. Изгваздался по уши, пока сгребал — десять раз пожалел, что связался. Однако главные последствия своего гуманистического акта ему еще только предстояло оценить.

Они, последствия эти, долго ждать себя не заставили — получаса не прошло.

Путники как раз устроили привал, расположились у обочины, чтобы дать отдых сбитым ногам, когда чуткое ухо Кьетта уловило приближающиеся шаги. Нолькр вскочил, рефлекторно сжав рукоять ножа. Иван последовал его примеру, обернулся и увидел.

По насыпи, нелепо размахивая полными голыми руками, подволакивая одну ногу, резво ковыляла удушенница, и светлые как лен космы ее развевались на ветру, а на шее, на манер ожерелья, болтался обрубок петли.

— Встала! — с мрачным удовлетворением в голосе объявил Кьетт. — А ведь я тебя предупредал!

ГЛАВА 3,

*которая учит читателя, что красивая
ложь порой бывает лучше горькой правды*

— Она что, ожила?! — озадаченно спросил Иван. Страх он пока не чувствовал, скорее омерзение.

— Не думаю. Похоже, так мертвая и ходит, — очень серьезно ответил Кьетт.

— Вампирка?

— Это днем-то?

— Зомби, значит?! — предположил Иван.

Кьетт смерил его взглядом.

— А кто-то еще утверждал, будто не имеет отношения к некромантии! Ну-ну!

На этот раз Иван оправдываться не стал — не до того было. Удавленница приблизилась уже настолько, что различимы стали черты лица, изуродованные мучительной смертью.

— Как ты думаешь, она ведь не желает нам зла? Мы же для нее доброе дело сделали... — Иван невольно перешел на шепот.

— О тех, кто однажды переступил черту жизни, ничего нельзя сказать наверняка. У них слишком сильно меняется мировосприятие... Давай лучше от нее убежим, пока не заметила!

Предложение было полезным, но запоздалым. Покойница повела носом по ветру, издала ликующий вой и устремилась напрямик к своим «освободителям» со скоростью, достойной хорошего скакуна. Бежать было поздно. В последний момент Кьетт успел подхватить с земли палку и сунуть Ивану в руки.

— Круг! Очертись скорее кругом!

Иван послушно черкнул веткой по земле.

— И символ, знак охранный любой, какой знаешь, твори!

Иван перекрестился. На самом деле он не верил, что от его манипуляций будет прок, но Кьетт ткнул ладонью в его сторону, и та уперлась в невидимую преграду.

— Действует! Сиди там пока!

— А сам-то ты что? — заволновался Иван.

— А я существо магическое, мне бояться нечего! — объявил нолькр и с прытью, достойной любого кота, вскарабкался на ближайший дуб. И уже оттуда, с ветки, крикнул: — И вообще я ей не нужен, она за тобой пришла! — Похоже, курс искаженной логики курсант Краввер усвоил в совершенстве.

— Тогда чего ты меня внизу бросил?! — взвыл Иван, на дереве он чувствовал бы себя гораздо увереннее, чем за прозрачной стеной колдовского круга.

— Круг надежнее дерева, — с сожалением вздохнул Кьетт. — Она может следом ползть.

— Сделал бы себе круг!

— Как? Я же магическое существо! Защитная магия...

короче, потом объясню! Эх, не сообразили! Ты должен был сначала меня в круг посадить, потом уже прятаться. А тебе бы только самому скорее спастись, а товарищ по несчастью пусть пропадает на дубу!

От обвинения столь несправедливого Иван даже поперхнулся. Но отношения выяснять было поздно — удавленница уже спускалась с насыпи. Видно, она и в самом деле шла по Иванову душу, потому что на Кьетта в ветвях не обратила ни малейшего внимания. Простерла руки и с выражением слезного умиления на белом лице устремилась напрямик к кругу.

— Любимый! Я пришла к тебе!

Иван невольно шархнул назад и из круга чуть не вылетел — для своего создателя невидимые стены были проницаемы. Зато мертвая дева впечаталась в них с разгону, и ее отбросило назад — так бывает, когда человек сослепу не заметит стеклянную раздвижную дверь, не успевшую вовремя перед ним раскрыться. Правда, человек при этом чувствует если не боль и сотрясение, то уж, по крайней мере, неловкость. Удавленницу же происшествие ничуть не смутило. Она вновь ринулась вперед, широко раскрытыми руками обняла невидимую поверхность, прижалась к ней лицом — и без того отвратительное, оно еще и расплющилось — и завела старую песню:

— Любимый! Я пришла к тебе! Я нашла тебя! Допусти! Я твоя навеки!

Только этого ему и не хватало! Ладно бы покойница просто нападала — это еще можно было бы понять! Но «остаться с ней навеки» — нет, нет и нет!

— Кыш! — смешно замахал руками Иван, будто отгоняя комаров. — Пшла! Пшла прочь! Домой, домой!

— Отныне дом мой там, где ты! — сообщила удавленница со страстью. — Любимый, не гони! Я вся твоя!

— Ну что тут у вас? — Это рискнул спуститься с дерева Кьетт. Он понял сразу: покойница сама не отвяжется, до конца века будет кружить рядом и канючить — видал он таких. Значит, требовалось вмешательство извне.

— Я его люблю, а он меня не пускает, — пожаловалась

дева капризно и по старой, прижизненной еще привычке попыталась пустить слезу.

— Правильно не пускает. Ты же его защекочешь до смерти. Ты же лоскотуха! — На самом деле Къетт назвал совсем другое, даже не созвучное слово, но Иван его понял именно так.

— Ведьма я! — обиделась покойница.

— Была ведьма, пока не повесили. Лоскотуха теперь.

— Что, правда? — смутилась та польщенно, принялась себя оглядывать, прихорашиваться, спросила кокетливо: — Зеркальца нет?.. — Махнула ручкой: — Ах да, откуда у мужчин... — Нашупала на шее борозду от петли, опечалилась: — Не знаешь, сойдет со временем?

— Сойдет, — обещал Къетт, ни малейшего понятия о том не имевший. — Ты бы шла домой, умылась, причесалась. Глядишь, и похорошела бы!

— Или я не хороша?! — огорчилась дева.

— Нет предела совершенству! — пробурчал Иван из своего укрытия и тут же пожалел — синие губы девы расплющились во влажном поцелуе, и между ними стали видны остренькие, мелкие, совершенно не человеческие зубки — целый частокол. Такими тяпнет — мало не покажется! — Кыш, кыш! Домой!

— Не могу домой, — пригорюнилась, запричитала лоскотуха. — Злые люди в деревне нашей, с места меня сжили, на дубу повесили, ворочусь назад — в огонь кинут. Нет, не пойду до дому! С вами буду! Вы добрые, обоих стану любить!

— Обоих не надо! — малодушно выпалил Къетт, не дав Ивану и рта раскрыть. — Кого выбрала, того и люби! А я обойдусь!

— Ладно, — расплылась в улыбке дева. — Буду любить своего единственного. А ты мне не по нраву — тощ и глазищи страшные! Как у чудища лесного! Боюсь!

— На себя посмотрела бы лучше, красавица ты наша! — пробурчал уязвленный нолькр, но лоскотуха его не услышала, в этот момент она уже одаривала «своего любимого» новым поцелуем «через стекло» и действием этим была абсолютно поглощена.

А потом они на пару долго уговаривали Ивана покинуть

защитный круг: дева признавалась в вечной любви, Кьетт толковывал, что долго ему там все равно не просидеть — и есть нужно, и вообще... К слову, это самое «вообще» уже давало о себе знать, но выйти Иван согласился лишь тогда, когда Мила (так звали удавленницу) поклялась страшной клятвой — не приближаться к нему ближе чем на три шага и любить только издали.

Дальше они шли уже втроем, человек и нолькр впереди, а следом, в трех обещанных шагах, трусила лоскотуха, месила босыми ногами вязкую дорожную грязь и напевала себе под нос что-то заунывное, но не лишенное гармонии. Трудно сказать, как жилось Миле в бытность ее ведьмой, но ипостась лоскотухи явно пришлась деве по вкусу, выглядела она вполне довольной новым качеством своим.

Ивана же ее присутствие раздражало несказанно. Бояться он давно перестал, благо внешность недавней удавленницы менялась к лучшему буквально на глазах. Трупные следы исчезали, распухшее лицо приобретало прежние пропорции, и мертвенная синева сменялась этакой романтической чахоточной бледностью, даже странгуляционная борода заметно поблекла, и нечесанные патлы сами собой разгладились, легли красивыми локонами. Правда, зубы укрупнились вдвое (и возможно, это был еще не предел), почти исчезли ушные раковины, а между пальцами наметились перепонки, но в целом изменения смотрелись достаточно органично. На человека дева больше не походила, но, что гораздо важнее, не походила она и на труп. Просто существо другой природы, ничего в этом ужасного не было. Вела себя лоскотуха смиренно, клятву соблюдала, а потому единственное, в чем Иван мог ее упрекнуть, — это в несусветной глупости. Верно, когда создатели этого слоя бытия отмеряли людям мозги, Мила стояла самой последней в очереди, и перепали ей лишь жалкие крохи. Напрасно они старались выведать у нее хоть что-то об устройстве окружающего мира. Лоскотуха хотела — или умела? — говорить только о любви.

— Не понимаю! — бесился Иван, не заботясь, слышит его бедняжка или нет. — Я совершенно иначе их себе пред-

ставлял! Мне казалось, раз ведьма, значит, злая, но умная! Ведающая! А эта... — Он чуть не ввернул крепкое русское слово, но вовремя вспомнил, что уже полгода как решил отучаться от этой тупой провинциальной привычки, и ограничился многозначительным «гмм». — Или она от перерождения в слабоумие впала?

— Не думаю, — шепотом ответил Къетт, ему обижать бедную девушку не хотелось. — Скорее всего, она с детства такая — силой наделена, интеллектом — не очень. Умная ведьма никогда бы не позволила себя повесить... Но ты не должен ее за это строго судить!

— Это еще почему?

— Да потому что твои собственные поступки в последние несколько дней тоже, мягко говоря, благоразумием не... ладно, молчу, молчу!.. — Оглянувшись на потрепанную фигуру новой спутницы и вздохнул. — Вот плохо, что у нас местных денег нету.

— Почему? — переспросил Иван машинально, хотя и сам мог бы назвать тому миллион причин.

— Да надо бы ее как-то приодеть. Что же она у нас таким пугалом ходит — голая, босая! Нехорошо!

Он возмущения Иван даже руками всплеснул — ну точно как бабушка Лиза из Саратова.

— Нет! Вы его только послушайте! Самим жрать нечего, пить нечего, обувь трет, куртка не греет, жизненных перспектив никаких — а он беспокоится, как бы ему чужую покойницу нарядить! Навязалась на наши головы, так еще заботься о ней!

— Все-таки интересный ты человек, — очень добродушно, без всякого осуждения отметил нолькр. — Пока мертвая висела — носился с ней, как с родной. Стоило ей самую малость ожить — глядеть в ее сторону не хочешь! Вот она — некромантская повадка!

— Некромантия тут ни при чем! Мертвая она меня не домогалась!

— Сам захотел снять, никто тебя под руку не толкал! — хихикнул Къетт бессовестно. — Теперь пожинай плоды своего нездорового некромантского интереса к удушенным.